

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюля 12-го.

Содержаніе: О необходимости таинствъ Церкви.—Значеніе непосредственной вѣры.—Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности (продолженіе).—Замѣтка.

О необходимости таинствъ Церкви.

Нужны ли таинства, какъ орудія, чрезъ которыя подается вѣрующимъ благодать, если Христось Самъ отъ Себя сообщаетъ имъ духовную жизнь, какъ глава тѣлу (Іоан. 15, 5; Ефес. 5, 23)? Такой вопросъ ставятъ, заранѣе торжествуя побѣду, сектанты протестантскаго направленія и между ними наши штундисты, читая многознаменательныя слова Господа Иисуса Христа о Себѣ, какъ о Лозѣ, а о вѣрующихъ, какъ о вѣтвяхъ, и слова св. ап. Павла о Немъ, какъ о Главѣ—Своего тѣла—Церкви. Сущность приведеннаго возраженія сводится къ тремъ слѣдующимъ частнымъ: 1) иносказанія,

сравнивающія Христа, какъ источникъ духовной жизни для вѣрующихъ въ Него, съ Лозою и Главою тѣла, заключаютъ будто бы въ себѣ ученіе о томъ, что въ дѣлѣ оправданія и спасенія нѣтъ мѣста ни для чего внѣшняго, видимаго; 2) благодать дѣйствуетъ на человѣка только внутренно и непосредственно, и 3) таинства, какъ проводники благодати, не нужны и совершенно излишни.—Разсмотримъ каждое изъ этихъ возраженій въ отдѣльности.

Главнымъ основаніемъ для *перваго* возраженія служитъ легкомысленно допускаемое предположеніе полного и всесторонняго сходства между образомъ и изображаемой имъ истинной. Сектанты полагаютъ, что во всякомъ образѣ, сравненіи, притчѣ, употребленныхъ въ Св. Писаніи, извѣстная евангельская истина и предметъ, съ которымъ она сравнивается, необходимо должны совпадать между собою во всѣхъ подробностяхъ. Но это прямо противорѣчитъ правильному понятію о сущности иносказательнаго способа рѣчи. Приточный или образный способъ изложенія, къ каковому относятся вышеуказанныя мѣста Писанія, есть только *средство* или къ уясненію истины, или къ оживленію разсказа и наглядному изображенію чего-либо, или къ возбужденію большаго вниманія въ слушателяхъ къ проповѣдуемому ученію; а потому, онъ никогда не преслѣдовалъ и не могъ преслѣдовать полного и всесторонняго соотвѣтствія между сравниваемой истиной и предметомъ, съ которымъ послѣдняя сравнивается. Цѣлый рядъ знаменитѣйшихъ христіанскихъ толковниковъ Свящ. Писанія, во главѣ съ св. Іоанномъ Златоустымъ, неоднократно предостерегали и предостерегаютъ отъ слишкомъ пристальнаго разсмотрѣнія притчей и другихъ иносказательныхъ сказаній и оборотовъ. По мнѣнію блаж. Теофилакта, „всякая притча говоритъ восвенно и какъ бы образно уясняетъ сущность извѣстныхъ предметовъ, не во всѣхъ пунктахъ соотвѣтствуя тому, за что она принимается. Поэтому, намъ не надлежитъ слишкомъ много заниматься подробнымъ разсужденіемъ о всѣхъ частяхъ притчей, но, пользуясь ими,

насколько сообразно это съ подлежащимъ нашему разсмотрѣнію предметомъ, оставлять остальное въ покоѣ“. Весьма наглядно поясняетъ эту мысль Оригенъ превосходнымъ сравненіемъ: „подобно тому какъ въ картинахъ и статуяхъ нѣтъ совершеннаго сходства съ изображаемыми предметами, но портретъ, напр., на гладкомъ полотнѣ сходенъ только по-верхностію и цвѣтами, не передавая однако выпуклостей и углубленій, замѣняя ихъ перспективою, статуя, напротивъ, старается удержать сходство выпуклостей и углубленій, а не цвѣтовъ; восковая же статуя можетъ сохранить и то, и другое сходство, но безъ внутренняго выраженія: такимъ же образомъ и въ евангельскихъ притчахъ, если царствіе Божіе чему-либо уподобляется, подобіе не заключаетъ въ себѣ всѣхъ признаковъ предмета, избраннаго для сравненія, но лишь нѣкоторыя свойства, соотвѣтственно предположенной цѣли“ (Comment. in Matt. 13 гл., 47). Иного отношенія между образомъ и аллегорически изображаемой имъ евангельской истиной и быть не можетъ. Вслѣдствіе паденія человѣка, вся природа страдаетъ подъ тяготѣющимъ надъ ней проклятіемъ, „стенаетъ и мучится“ (Рим. 8, 22); „подвергшись суетѣ“, она потеряла значительную степень способности изображать высшія представленія, такъ что естественный міръ не можетъ во всей полнотѣ и всесторонности отображать міръ духовный, небесный, царство истины, святости, свѣта и добра. Оттого ни одинъ евангельскій образъ не отражаетъ истины вполне. Сѣмя, напримѣръ, изображающее Слово Божіе, вѣчно живое, не умирающее и дѣйственное, само гибнетъ и истлѣваетъ. Земныя пиршества, подъ образомъ которыхъ рисуется нерѣдко вѣчная и „неизреченная сладость зрящихъ лица Божія доброту неизреченную“ въ царствѣ славы, переходятъ иногда въ грубое пресыщеніе, оставляющее по себѣ лишь чувство тоски и отвращенія. Отношенія родителей къ дѣтямъ, изображающія собою отношенія къ людямъ любвеобильнаго, всесвятаго, правосуднаго и премудраго Отца Небеснаго, далеко не соотвѣтствуютъ ими изображаемому,

переходя то въ неразумное нерадѣніе и небрежность, то въ чрезмѣрную суровость и жестокость, то въ самолюбивое своеволие и подчиненіе неразумной прихоти и т. п. Еще слабѣе образы естественнаго міра тамъ, гдѣ требуется посредствомъ ихъ уяснить истины, для нашего ума непостижимыя. Какимъ, напр., образомъ чувственнаго міра можно представить въ достаточной степени ясно и вѣрно полное таинственности и непостижимости отношеніе Господа къ вѣрующимъ? или какими примѣрами дѣйствительности можно всесторонне раскрыть и сдѣлать для всѣхъ понятнымъ таинственное возрожденіе ветхаго человѣка въ банѣ пакибытія? Неразумное стремленіе воплотить въ „тѣсные и хрупкіе скудельные сосуды“ естественнаго міра широкую и полную значенія и силы небесную истину всегда приводили, приводятъ и должны приводить къ одному лишь увлеченію тщеславной игрой остроумія въ истолкованіи Слова Божія и къ потерѣ изъ виду главной цѣли Св. Писанія—освященія сердца истиною, даже къ ереси, какъ и случилось это съ сектантами. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы слѣдствіемъ толкованія, если бы мы въ притчѣ Господа о Себѣ, какъ о пастырѣ стада, задались цѣлью провести полное соотвѣтствіе между отношеніемъ пастыря къ стаду и Христа къ Церкви? Мы извратили бы ясно выраженное въ другихъ мѣстахъ Писанія ученіе о томъ же предметѣ. Мы должны были бы, напр., признать, что отношеніе Христа къ вѣрующимъ нарушаетъ личную свободу послѣднихъ въ выборѣ себѣ духовной пищи, такъ какъ пастырь, подъ образомъ котораго рисуется въ притчѣ Христось, избравъ извѣстную пажить, насильно гонитъ на нее свое стадо, не справляясь о томъ, хочетъ ли идти туда извѣстная овца, или нѣтъ и т. д. Та же самая несообразность неизбѣжно получится и въ томъ случаѣ, если мы станемъ добиваться проведенія полного и всесторонняго соотвѣтствія между отношеніемъ Христа къ Церкви, какъ Лозы къ вѣтвямъ и Главы къ тѣлу, и предметами, послужившими образами для этихъ отношеній. Если всѣ признаки, свойственные лозѣ, приложимы къ Христу, то выйдетъ, что

Христось, служащій источникомъ и началомъ духовной жизни для вѣрующихъ въ Него, Самъ нуждается для Себя въ такомъ источникѣ, не имѣеть въ Самомъ Себѣ источника бытія; что Онъ, подобно лозѣ, зависитъ въ Своемъ бытіи и жизни отъ разнаго рода внѣ Его лежащихъ условій и т. п.

Увлекаясь желаніемъ во что бы то ни стало отвергнуть православное ученіе о таинствахъ и съ этою цѣлью превратно толкуя вышеприведенныя иносказанія, сектанты забываютъ и другое обстоятельство, что притча служить только *средствомъ* къ уясненію ученія, *уже утвержденного и раньше выраженнаго ясно, безъ аллегорій и иносказаній*, такъ что на основаніи ея нельзя составлять ученія. Если бы всякое насильственное и утонченное разрѣшеніе иносказанія или притчи „могло стать на высоту христіанскаго догмата, то не было бы и догматовъ, и зданіе вѣры утверждалось бы не на камнѣ, а на пескѣ“ (Ирин. Соп. Наеч. 2, 27). Отсюда вытекаетъ два правила для толкователя: 1) не слѣдуетъ ожидать „во всякомъ мѣстѣ“ всего круга христіанской истины, такъ какъ, по словамъ блаж. Иеронима, „о всѣхъ мѣстахъ не учится въ каждомъ мѣстѣ; но всякое подобіе отнесено къ тому, для чего оно служитъ подобіемъ“ (Adv. Iovin., 2); во-2-хъ, всякое подобіе должно разсматривать во взаимной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ Писанія, потому что въ нихъ большею частію заключаются указанія главной мысли или ключъ притчи. Оба эти правила при толкованіи разсматриваемыхъ иносказаній сектантами совершенно упущены изъ виду. Они, во-первыхъ, стараются найти въ этихъ иносказаніяхъ то, чего тамъ быть не можетъ; во-вторыхъ, разсматриваютъ ихъ внѣ связи съ контекстомъ. Приведемъ первое мѣсто въ контекстѣ: „какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. *Я есмь Лоза, а вы вѣтви*; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не будетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ;

а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгораютъ“ (Іоанн. 15, 4—6).—Спасителю нужно было раскрыть предъ слушателями, что принести добрые плоды, достигнуть нравственнаго совершенства сами по себѣ, безъ благодатной помощи своего Искупителя и Господа, они не могутъ; что желающій достигнуть этого совершенства долженъ непременно быть съ Нимъ въ единеніи, вступить въ число членовъ Его Церкви и получать отъ Него живительныя струи благодати. Какимъ именно способомъ подается эта благодать, Господь и объясняетъ примѣромъ лозы и вѣтвей. Принести сами по себѣ добрые плоды, безъ единенія съ Христомъ, вѣрующіе не могутъ потому, что, въ ихъ духовной жизни, Христосъ для нихъ то же, что стволъ лозы для вѣтвей. Какъ эти послѣднія живутъ и могутъ приносить плоды только до тѣхъ поръ, пока питаются соками ствола и растутъ на немъ; такъ и вѣрующіе имѣютъ жизнь только до тѣхъ поръ, пока пребываютъ во Христѣ, въ Его св. Церкви, питаются подаваемою чрезъ нее Его благодатию. До тѣхъ же поръ могутъ они приносить и добрые плоды; а какъ только отпадутъ отъ общенія съ Христомъ, потеряютъ связь съ Его Церковію, удалятся отъ обильно изливаемыхъ на нее благодатныхъ даровъ, такъ тотчасъ же перестанутъ жить духовною жизнью, засохнутъ и вмѣсто того, чтобы приносить плоды, будутъ преданы сожженію и сгорятъ.

Что касается контекста апостольскаго изреченія, уподобляющаго Христа Главѣ, а Церковь—тѣлу, или же Христа—мужу, а Церковь—женѣ, то онъ таковъ: „жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу; потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ Глава Церкви, и Онъ же спаситель тѣла. Но какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ“ (Еф. 5, 22—24). Изъ приведенныхъ стиховъ ясно, что Христосъ называется въ данномъ случаѣ Главою Церкви вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это сектанты, т. е., будто отношенія между Нимъ и Церковію—непосредственныя, „чуждыя вся-

кихъ промежутковъ“,—а въ томъ же, въ какомъ мужъ есть глава жены. Другими словами: Христосъ—Глава потому, что Онъ Господь и устроитель Своей Церкви, что Господь возлюбилъ ее до такой степени, что и Себя предалъ за нее; что Онъ освятилъ ее, очистивъ банею водною посредствомъ слова, чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна (ст. 25—27); что Онъ ее охраняетъ и спасаетъ, принимая всѣ необходимыя для того мѣры, какъ глава въ естественномъ тѣлѣ одухотворяетъ и одушевляетъ послѣднее, руководитъ его жизнію и направляетъ его дѣятельность, изыскивая средства къ охраненію и поддержанію жизни и благополучія тѣла. Церковь же, какъ и естественное тѣло, подчиняется рѣшеніямъ Главы: дѣлаетъ то, что одобряетъ Глава; избѣгаетъ того, отъ чего Глава предостерегаетъ. Итакъ, исходною точкою сравненія Христа съ главою служитъ то, что глава спасаетъ жизнь тѣла отъ всего грозящаго ей опасностію, поддерживаетъ эту жизнь соответствующими средствами, направляетъ къ разумнымъ цѣлямъ. Обязанные своею жизнію и благоденствіемъ Главѣ-Христу, вѣрующіе предають себя волѣ своей Главы-Христа, повинуются Ему. Очевидно, въ приведенномъ мѣстѣ посланія св. ап. Павла къ Ефесянамъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, будто непосредственное взаимоотношеніе между Христомъ и Церковію дѣлаетъ излишнимъ существованіе орудій, чрезъ которыя сообщается благодать.

Такимъ образомъ, таинства, какъ проводники Божественной благодати, извращаемыми сектантами иносказаніями совершенно не затрогиваются. Впрочемъ, если бы нужно было, на основаніи сравненія между Христомъ и лозою, доказать необходимость особыхъ *посредствъ* для полученія благодати, то это легко было бы сдѣлать, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ при толкованіи. Сравненіе Христа съ лозою ясно указываетъ, что въ Церкви Христовой, изображенной подъ видомъ лозы и вѣтвей, не всѣ члены одинаково

близки къ Христу: одни изъ нихъ ближе, другіе дальше, третьи еще дальше и т. д. Первыя, самыя ближайшія къ стволу лозы, вѣтви—это апостолы Христовы: они получили благодать непосредственно отъ Самого Христа; вторыя—епископы: они получили благодать и власть сообщать ее вѣрующимъ отъ апостоловъ; третьи—пресвитеры: этимъ передана благодать и право сообщать ее другимъ въ таинствахъ отъ епископовъ,—и, наконецъ, четвертыя—всѣ остальные вѣрующіе, получающіе освященіе и благодатные дары отъ пастырей церковныхъ. То же самое и въ именованіи Христа Главою. Какъ глава тѣла естественнаго не непосредственно дѣйствуетъ въ дѣлѣ сохраненія тѣла и доставленія ему всего необходимаго для продолженія бытія и достиженія благополучія; такъ и Глава Церкви—Господь Иисусъ, для спасенія Своего духовнаго тѣла—Церкви, „поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“ (Еф. 4, 11—12). Если бы сектантское толкованіе было вѣрно; если бы въ извращаемыхъ ими мѣстахъ Писанія Христосъ и св. ап. Павелъ хотѣли высказать ту мысль, будто благодать сообщается душѣ каждаго вѣрующаго *только непосредственно*: то какъ мирились бы съ этимъ слова того же апостола о поставленіи Христомъ однихъ апостолами, другихъ пророками? „Совершеніе святыхъ, созиданіе тѣла Христова“ происходило бы тогда само собой: каждый вѣрующій, при помощи незримаго ни для кого внутренняго озаренія благодати, самъ бы дѣлался членомъ тѣла Христова, „достигалъ бы мужа совершенна, мѣры полнаго возраста Христова“ (Еф. 4, 13). Если же Христосъ не довольствуется тѣмъ, что лично и непосредственно стоитъ у дверей каждаго сердца и *толчетъ* (Апок. 3, 20); если считаетъ недостаточнымъ то, что „каждому изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова“ (Еф. 4, 7): то, слѣдовательно, находить, что при посредствѣ однихъ внутреннихъ благодатныхъ озареній общество вѣрующихъ въ

Него никакимъ образомъ не можетъ „прійти въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. 4, 13); а для этого необходимо существованіе особаго разряда посредствующихъ лицъ и цѣлаго ряда посредствующихъ дѣйствій, каковыми и являются церковная іерархія и церковныя таинства. Что это нужно понимать именно такъ, торжественно заявляетъ въ томъ же посланіи самъ св. ап. Павелъ. Изъ Христа, говоритъ онъ, „все тѣло, составляемое и совокупаемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“ (Еф. 4, 16). Что же это—за взаимно скрѣпляющія связи? Это, несомнѣнно, все то, на чемъ зиждется и утверждается единство Церкви. А это единство, по словамъ апостола, основывается, во-первыхъ, на томъ, что у всѣхъ насъ „одинъ Господь, одна вѣра“; во-вторыхъ—что всѣ мы „однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло“ (1 Кор. 12, 13); въ-третьихъ—что всѣ мы „напоены однимъ Духомъ (тамъ же), и, въ-четвертыхъ—что всѣ мы отъ „одного хлѣба причащаемся“. Другими словами,—эта связь, взаимно-связывающая всѣхъ вѣрующихъ въ одно тѣло Христово, кромѣ религіозно-нравственнаго ученія и вѣры во Христа, заключается въ таинствахъ церковныхъ, которыя, какъ въ тѣлѣ суставы, какъ въ лозѣ прививка, прикрѣпляютъ и приобщаютъ отдѣльныхъ членовъ къ общей жизни Церкви.

(Окончаніе будетъ).

Значеніе непосредственной вѣры.

(Вѣстн. Европы, 1898 г. Мартъ, стр. 334—356).

Безъ мѣры увлекаясь благами образованности, либеральные писатели стараются какъ можно больше унижить вѣру людей простыхъ, называемую непосредственной. „Вѣра, когда

она есть только фактъ, принятый чрезъ преданіе, есть дѣло чрезвычайно непрочное, неустойчивое, всегда и всѣмъ застигаемое въ распλοхъ.—Исключительно фактическая, слѣпая вѣра несообразна достоинству человѣка. Она болѣе свойственна или бѣсамъ, которые вѣруютъ и трепещутъ, или животнымъ безсловеснымъ, которыя, конечно, принимаютъ законъ своей жизни на вѣру, безъ размышленій, безъ тоски, безъ думы роковой,—безъ напрасныхъ, безъ пустыхъ (?) сомнѣній“. Плоды такой вѣры, какъ не имѣющей „лучшихъ основъ“, представляются въ видѣ или „дьявольской кровожадности“, или „скотскаго безстыдства“.—„Слѣпая и безотчетная религія обидна“, говорятъ, „прежде всего для своего предмета, для самого божества, которое не этого требуетъ отъ человѣка. Какъ безграничное Благо, чуждое всякой зависти, оно хотя даетъ мѣсто въ мірѣ и бѣсамъ, и животнымъ, но радость его не въ нихъ, а въ сынахъ человѣческихъ; и чтобы эта радость была совершенною, оно сообщило человѣку особый даръ, которому завидуютъ бѣсы, и о которомъ ничего не знаютъ животныя“. Этотъ даръ состоитъ въ философіи, въ „критическомъ и діалектическомъ изслѣдованіи“; назначеніе этого дара указывается въ томъ, чтобы не даромъ и не въ готовомъ видѣ получалъ человѣкъ вѣчную истину и блаженство, чтобы онъ достигалъ ихъ „трудовымъ путемъ“—„предварительнаго испытанія“.

Все это высказано г. Влад. Соловьевымъ по поводу стародавней исторіи отношеній между Сократомъ и его современниками, но раздраженный тонъ показываетъ, что дѣло это ближе къ сердцу автора, чѣмъ исторія греческаго философа,—что авторъ—можетъ быть—самого себя мнить российскимъ Сократомъ, а противникамъ своимъ, дѣйствительнымъ и воображаемымъ, представляетъ отвѣтствовать по любому изъ двухъ обвиненій: въ „суевѣрномъ демонскомъ трепетѣ“ или—въ „тупой животной безотчетности“.

Въ защиту той вѣры, которую такъ озлобленно хулить г. Влад. Соловьевъ и которую мы считаемъ основаніемъ

истиннаго философскаго знанія, которая должна быть, по нашему убѣжденію, только укрѣпляема, а не пересозидается философскимъ изслѣдованіемъ, мы скажемъ слѣдующее. Истина есть благо сама по себѣ, по своей природѣ, а не потому, какъ она достигается. Если бы истина была для человѣка благотворна только тогда, когда онъ самъ достигнетъ ея, и была бы лишена благотворнаго значенія для его жизни въ томъ случаѣ, если онъ получитъ ее въ готовомъ видѣ или усвоитъ ее себѣ по довѣрію къ свидѣтельству другихъ, то это значило бы, что важность и благотворное значеніе свойственны не самой истинѣ, а тому способу, которымъ она получается и добывается; это значило бы, что она есть благо относительное, *δέσσει οὐ φύσει*, по приводимому г. Соловьевымъ выраженію софистовъ.

Скажутъ, что истина, когда достигается путемъ философскаго изслѣдованія, глубже усваивается и сильнѣе овладѣваетъ человѣкомъ, а потому и проявляетъ свое благотѣльное дѣйствіе только при условіи достиженія ея этимъ именно путемъ. Но едва ли это такъ, едва ли даже не напротивъ: путь сомнѣній, колебаній и тоскливыхъ размышленій едва ли самъ по себѣ можетъ приводить къ убѣжденію непоколебимому, стоящему превыше сомнѣній; это значило бы, что причина производить то, чего въ ней совершенно нѣтъ, что даже совершенно ей противоположно, какъ противоположны отрицаніе и утверженіе, сомнѣніе и вѣра. Правда, бываютъ случаи, что человѣкъ отъ сомнѣнія и отрицанія переходитъ къ полной вѣрѣ, но этотъ переходъ нельзя считать непосредственнымъ, сомнѣніе не само по себѣ производитъ вѣру, оно только порождаетъ въ человѣкѣ чувство мертвящей пустоты, а воспріятіе вѣры бываетъ послѣдствіемъ сильнѣйшаго желанія избавиться отъ этого чувства. Можетъ ли усвоеніе истины быть глубже и полнѣе отъ того, что человѣкъ ее критиковалъ и въ ней сомнѣвался?... Скажутъ, что изслѣдованіе предметовъ вѣры сообщить намъ новыя непререкаемыя данныя для убѣжденія въ ихъ несомнѣнности. Но это можно

сказать только объ истинахъ такъ называемаго положительнаго знанія; знаніе же метафизическое по самому существу своему не можетъ быть основано на данныхъ непрекаемыхъ; иначе сказать, оно черпаетъ свою силу не въ фактахъ, не въ наблюденіяхъ и опытахъ, а въ нѣкоторомъ предуготовленіи къ нему всего внутренняго существа человѣка, въ благопріятной для него настроенности, въ предварительномъ сближеніи сердца и ума съ его истинами, кратко говоря— въ вѣрѣ. Говоря о метафизическомъ знаніи, мы разумѣемъ здѣсь всю область истинъ религіозныхъ, философскихъ, нравственныхъ. Если бы въ этой области существовали непрекаемые разсудочныя основанія, неоспоримыя данныя, то люди давно могли бы придти къ какому нибудь единству въ относящихся сюда воззрѣніяхъ. А между тѣмъ... извѣстны взаимныя противорѣчія между философами... Влад. Соловьевъ находитъ возможность прививать читателямъ Вѣстника Европы вкусъ къ такому идеалисту изъ идеалистовъ, какъ греческій философъ Платонъ. Но развѣ изслѣдованіемъ природы и жизни приведенъ былъ Платонъ къ тому, что уничтожилъ видимый міръ предъ міромъ идеальнымъ, предъ первообразами видимыхъ и временныхъ созданій, сокрытыми въ предвѣчной Премудрости Божіей? Отчего же разсматриваніе природы привело къ противоположнымъ результатамъ другихъ, отчего бисеры Премудрости, разсыпанные въ изобиліи предъ очами людей, однихъ вынуждаютъ преклоняться предъ вѣчнымъ Разумомъ, а другимъ (какъ, напр., дарвинистамъ) не мѣшаютъ считать величественную систему міра дѣломъ слѣпыхъ случайностей?

Въ области религіозныхъ, нравственныхъ и философскихъ идей вѣра, основанная на преданіи (а въ христіанствѣ, кромѣ того, на таинственномъ воздѣйствіи благодати), есть свѣточъ, которымъ человѣкъ освѣщаетъ себѣ различные пути изслѣдованія. Если этотъ свѣточъ возженъ отъ первобытнаго религіознаго преданія или отъ содержащагося въ Св. Писаніи Божественнаго Откровенія, то тѣмъ вѣрнѣе бу-

детъ путь человѣка и тѣмъ яснѣе будетъ взглядъ его на міръ. Твердо держа свѣтильникъ вѣры, онъ постоянно будетъ убѣждаться въ его благотворности и необходимости для разрѣшенія присущихъ душѣ вопросовъ о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ, но если тотъ свѣтильникъ померкнетъ, то никакое изслѣдованіе этихъ вопросовъ снова возжечь его не можетъ. Богъ не можетъ быть созданіемъ человѣческаго ума, не можетъ быть научной гипотезой, потому что отъ конечнаго, въ сферѣ котораго дѣйствуетъ человѣческій умъ, нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ Безконечному; хотя, съ другой стороны, всѣ силы и средства познающаго духа могутъ быть посвящаемы на уясненіе и всестороннее освѣщеніе идеи Бога, данной человѣку въ готовомъ видѣ. Если бы мы сказали, что религіозная истина есть и была произведеніемъ человѣческаго ума, то мы прославили бы чрезъ это умъ, но унизили бы самую истину, которая, оставаясь дѣломъ нашей мысли, не могла бы въ точности называться и религіозной. Посему Господь сказалъ ап. Петру, исповѣдавшему Его Сыномъ Божиимъ: „блаженъ ты, Симонъ,—потому что не плоть и кровь“ (не человѣческія средства познанія) „открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ“ (Матѣ. 16, 17). Посему вѣра непосредственная, какъ обладаніе души истинною, данною въ преданіи и воспринятою при таинственномъ воздѣйствіи приносящаго Разума (Логоса, Іоан. 1, 9), есть нѣчто первоначальное, предшествующее изслѣдованію,—основное, опредѣляющее, а не опредѣляемое—для направленія всякихъ изслѣдованій и для построенія полнаго міровоззрѣнія,—безконечно-цѣнное, не зависящее въ своемъ достоинствѣ отъ критическаго и діалектическаго изслѣдованія, какъ и вообще истина не зависитъ въ своемъ достоинствѣ отъ способа ея воспріятія, конечно ужъ—и отъ нашего сомнѣнія въ ней.

Скажутъ, что критическое изслѣдованіе безусловно необходимо для непосредственной вѣры потому, что къ ней могутъ примѣшиваться миѡы, суевѣрныя сказанія, предста-

вляющія искаженіе основныхъ религіозныхъ истинъ. Но въ такомъ случаѣ до чего суживается задача изслѣдованія, до чего она становится пустой! Стоило ли „діалектическому изслѣдованію“ задаваться критикой шутливыхъ разсказовъ о шалостяхъ олимпійцевъ, объ ихъ личномъ участіи не только въ хорошихъ, но и въ дурныхъ человѣческихъ дѣлахъ? Вѣдь и тогда, конечно, было всемъ понятно, что подобныя некрасивыя пристройки къ главному зданію религіи суть дѣло дурно направленной и всемъ неблагочестивой фантазіи. Можетъ быть и теперь въ чьихъ нибудь глазахъ „непосредственная вѣра“ заслуживаетъ порицанія потому, что съ ней соединяется иногда довѣріе къ сказаніямъ о „Снѣ Богородицы“, или „о двѣнадцати лихорадкахъ“. Но не вездѣ религія, гдѣ только религіозныя имена. Въ греческой религіи существеннымъ было представленіе о божественной силѣ, если не единой по множеству божественныхъ лицъ (политеизмъ), то однородной по единству ихъ происхожденія,—сотворившей міръ, промысляющей о немъ, полагающей людямъ законы, судящей и мздовоздающей. Кромѣ политеизма, все это заимствовано изъ первобытнаго преданія, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ религій. Созерцая созданія Божіи, естественно изумляться Премудрости Создателя, прославляя ее какъ сокровищницу Божіихъ предначертаній о мірѣ. „Славлю Тебя (Господи), потому что я дивно устроенъ“, говоритъ псалмопѣвецъ израильскій: „въ Твоей книгѣ записаны всѣ дни, для меня назначенные. Какъ возвышенны для меня помышленія Твои, Боже, и какъ велико число ихъ! Стану ли исчислять ихъ, но они многочисленнѣе песка“ (138, 14—18). Эти божественныя помышленія или предначертанія, называемыя также идеями, прославилъ и греческій философъ Платонъ, почитая ихъ областію истинно-сущаго. Критиковалъ ли онъ истины непосредственной „фактической“ вѣры? нѣтъ; но онъ воспользовался ими, какъ свѣтильникомъ, чтобы уяснить вопросъ объ отношеніи видимаго міра къ невидимому, временнаго къ вѣчному.

Всякій человѣкъ, не лишенный вѣры, можетъ усилить и утвердить ее въ себѣ не тѣмъ, что позоветъ ее на судъ, къ отчету и отвѣту предъ разсудкомъ, вооруживъ этотъ послѣдній „ножемъ критическаго анализа“, но тѣмъ, что будетъ воздвигать на истинахъ вѣры все свое міросозерцаніе и доставлять себѣ радость о нихъ, какъ такихъ, которыя всего лучше уясняютъ намъ зрѣлице міра и жизни. Нашему знанію внѣ насъ соотвѣтствуетъ міръ; нашей религіозной вѣрѣ соотвѣтствуетъ Премудрость Божія; посему—какъ Богъ радовался о Своей Премудрости, созерцая дѣла Свои, видя, что творенія Его вышли вполне сообразными съ нею (*азъ бѣхъ*, говоритъ Премудрость, *о ней же радовалася* Богъ,— *вселенную совершивъ*, Притч. 8, 30—31), такъ и человѣкъ радуется о своей вѣрѣ, наслаждается ею, соорудивъ на ней зданіе своего знанія и видя, какую получаетъ оно стройность и твердость отъ такого основанія.—Но не всѣ люди служатъ знанію, не всѣмъ быть учеными и философами; огромное большинство людей преданы практической дѣятельности, труду обезпеченія жизни. Если они имѣютъ вѣру, то она такъ и остается у нихъ, какъ воспринята, остается непосредственной, „фактической“, внѣ вліяній умственнаго труда. Однако и у нихъ тѣмъ не менѣе истины вѣры являются животворнымъ и зиждительнымъ началомъ, только въ области не научной мысли, но практической жизни. Истины вѣры являются предначертаніемъ ихъ дѣлъ и отношеній съ другими людьми. На вѣрѣ строится прекрасное, во всѣ времена привлекающее восторженные взоры людей зданіе жизни благочестивой, служащее лучшимъ доказательствомъ, неоспоримымъ свидѣтельствомъ чистоты и красоты лежащихъ въ основаніи его вѣрованій. Чѣмъ болѣе жизнь проникается истинами вѣры, тѣмъ болѣе крѣпнуть онѣ въ убѣжденіи человѣка, потому что въ нихъ заключается главнымъ образомъ предначертаніе жизни, а всякое предначертаніе или планъ признается въ своемъ достоинствѣ по той мѣрѣ, въ какой выполняется. Истины вѣры, если человѣкъ не располагаетъ

по нимъ своей жизни, чувствуются имъ въ душѣ, какъ ненужное бремя; это—все равно, что прекрасный планъ дома, о постройкѣ котораго навсегда забыли. Христосъ учитъ: *всякъ слышай словеса моя сія, и не творя ихъ, уподобится мужу продиву, иже созда храмину свою на песокъ: и снуде дождь, и придоша рѣки, и възвѣша вътри, и опрошася храминъ той и падеся: и бѣ разрушеніе ея велие* (Матѣ. 7, 26). Итакъ, не критическимъ изслѣдованіемъ утверждаются люди въ истинахъ вѣры, но соблюденіемъ и осуществленіемъ ихъ въ своей дѣятельности.

Величайшая животворность истинъ религіозной вѣры открывается особенно въ томъ, что вездѣ и всегда люди старались сообразовать съ ними не только частную жизнь, но и общественную, и государственную, что на нихъ они строили не только обычаи личной и семейной жизни, но и установленія общества и государства. Въ основѣ государства лежитъ всегда религія, какъ его предначертаніе. Божество считается первообразомъ и первоисточникомъ власти, божественное избраніе пребываетъ на царяхъ и правителяхъ народа, божественная воля обнаруживается въ установленіяхъ и законахъ. Такимъ образомъ, Богъ является Богомъ извѣстнаго народа, и народъ (въ его государственномъ объединеніи) является народомъ Божиимъ. Въ этомъ нѣтъ ничего противнаго здравымъ понятіямъ. Если Богъ одѣваетъ полевья лиліи, то откажетъ ли Онъ въ Своемъ покровѣ такому огромному собранію почитающихъ Его людей, какъ государство? если Онъ питаетъ птицъ небесныхъ, то оставитъ ли безъ Своего промысленія и попеченія судьбы великаго царства? Онъ произвелъ раздѣленіе людей на народы, Онъ назначилъ каждому изъ народовъ предѣлы обитанія, сплотилъ его узамы взаимной привязанности, Онъ же и содѣйствуетъ ему во всемъ, что служитъ къ дальнѣйшему осуществленію этихъ предначертаній. Богъ близокъ ко всему, что совершаютъ люди, и что совершается съ людьми. Убѣжденіе это достигаетъ въ непосредственно-вѣрующихъ русскихъ людяхъ по-

разительной силы. Крестьянинъ, рассказавши о безвременной утратѣ имъ дѣтей, опоры приближающейся старости, прибавляетъ: „и слава Богу“.—„Какъ? развѣ ты не любилъ ихъ?“ спросите вы. „Колѣ не любилъ? какъ свою душу-любилъ; но Господь устроилъ, какъ лучше, потому что Онъ знаетъ, что кому нужно; потому и говорю я, что слава Ему“. Такимъ образомъ, Безконечное и Абсолютное Существо представляется человѣку съ непосредственной вѣрой ближайшимъ хранителемъ и попечителемъ его семьи. Какъ же не быть Господу покровителемъ великой семьи государственной? *Богъ приближаясь азъ есмь,—а не Богъ издавеча,* говоритъ Господь о Себѣ у пророка (Иерем. 23, 23).

Но стороннику философскаго, діалектическаго изслѣдованія религіи такія представленія „непосредственной вѣры“ кажутся очень неприятными. Его выраженія таковы: „отнять у божества полицейскую функцію, а у полиціи божественную санкцію“... „слитность—религіи—съ полиціей“... „религіозно-полицейскій строй жизни“... „главные отеческіе боги по существу—городскіе стражи,—человѣческіе стражи“ (правители) „по существу божественны“... Какъ все это г. Соловьеву противно! Очевидно, философія, занимаясь отвлеченными свойствами Божества, можетъ затмить разумѣніе Его, какъ вѣчно бодрствующаго надъ всѣми нами Промыслителя. Очевидно, будучи философомъ и діалектически изслѣдуя истины вѣры, можно уподобиться жителямъ гадаринской земли, которые *молиша Сына Божія, дабы прешелъ отъ предѣлъ ихъ* (Матѣ. 8, 34),—можно, признавая Бога существующимъ, желать, чтобы Онъ былъ подальше отъ насъ и отъ нашихъ дѣлъ. Такъ малодушные подчиненные просятъ начальника осчастливить ихъ посѣщеніемъ, раздѣлить съ ними трапезу, но потомъ только тогда и чувствуютъ облегченіе, когда онъ оставляетъ ихъ общество и отъ нихъ удаляется. С. К—й.

Современныя задачи и условія пастырской дѣятельности ¹⁾).

Въ церковной школѣ отношенія между завѣдующимъ и учителемъ не только ежедневныя, но, можно сказать, еже-часныя, и потому тотъ или другой характеръ ихъ весьма важенъ какъ для учителей, такъ и для завѣдующихъ школами. Среди причинъ, вызвавшихъ и вызывающихъ указанное уже печальное явленіе, конечно, не маловажную роль играютъ случайность и неподготовленность учителей къ дѣлу, а съ другой стороны—подчасъ совершенно нищенская скудость ихъ. Между тѣмъ, указываемое нами печальное явленіе не мало можетъ принести зла теперь, а въ будущемъ—и еще больше. Прежде всего, вслѣдствіе неправильныхъ отношеній между завѣдующими и учителями должно страдать учебно-воспитательное дѣло въ школѣ. Пренебрегаемый, а тѣмъ болѣе унижаемый учитель школы—плохой соратникъ руководителя той же школы, такъ какъ люди, особенно же мало развитые, обыкновенно не раздѣляютъ личности отъ дѣла, которому служить эта личность, вслѣдствіе чего переносятъ неудовольствіе съ одной и на другое. Само собою, далѣе, понятно, что при такихъ отношеніяхъ не можетъ быть искренности, желанія вникнуть въ смыслъ дѣятельности и всесторонне осуществить тѣ или другія предначертанія; не можетъ быть и привязанности къ мѣсту службы. Неизбѣжно за всѣмъ этимъ должны слѣдовать, съ одной стороны, плохое веденіе дѣла въ школѣ, и съ другой—постоянная—и притомъ небезосновательная—боязнь священника относительно того, какъ бы учитель не внесъ въ школу чего-нибудь и положительно вреднаго. Здѣсь же коренится и источникъ столкновеній между учителями и завѣдующими,

1) См. № 26-й за 1898 годъ.

жалобъ, всевозможныхъ доносовъ другъ на друга. Особенно обостренными отношенія эти становятся тогда, когда завѣдующіе, подъ тѣми или другими предлогами, задерживаютъ жалованье учительское, не додають его или, ради какихъ-либо цѣлей, тѣснятъ учителя. Во всѣхъ такихъ случаяхъ школьное дѣло не можетъ идти хорошо. Потому,—каково можетъ быть, при указанныхъ отношеніяхъ между завѣдующимъ и учителемъ, положеніе послѣдняго въ глазахъ прихожанъ? Каково можетъ быть положеніе и самой школы, вліяніе ея на жизнь прихода? И что всего печальнѣе, школьное дѣло падаетъ при дурныхъ отношеніяхъ завѣдующаго къ учителю даже тамъ, гдѣ послѣдній и старателенъ, и внимателенъ къ своему дѣлу, и всецѣло преданъ ему.—Но не можетъ быть тамъ твердо поставленнаго дѣла, гдѣ одною рукою оно созидается, а другою разрушается. Первая обязанность завѣдующаго, который хочетъ видѣть школу хорошею, ласковымъ, преисполненнымъ любви, а иной разъ и снисходительности, отношеніемъ смягчить грубость сотрудника, ввести его понемногу и постепенно въ свой міръ духовный и, раскрывая свою душу передъ нимъ, тѣмъ самымъ раскрыть и его душу, вызвавши на поверхность ея все, что въ ней есть добраго. Понятно, этого не можетъ быть тамъ и тогда, гдѣ и когда учитель дальше передней не бываетъ въ домѣ завѣдующаго, гдѣ—что еще горше—учитель привлекается къ исполненію обязанностей, ничего общаго съ школьнымъ дѣломъ не имѣющихъ. Напротивъ, завѣдующимъ крайне необходимо приблизить учительствующихъ къ себѣ, сдѣлать ихъ истинными своими соработниками. Эта необходимость будетъ особенно ясна, если мы обратимъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Въ настоящее время идетъ усиленная работа надъ рѣшеніемъ вопроса о всеобщемъ обученіи. Будетъ ли оно обязательнымъ, и при помощи какой школы оно осуществится, еще не извѣстно; но, во всякомъ случаѣ, осуществленіе этого, несомнѣнно—желательнаго предположенія внесетъ въ жизнь народную много не только по-

ваго, но и въ высшей степени важнаго, способнаго видоизмѣнить всю нашу жизнь. А потому, самое серьезное вниманіе православнаго пастырства должно обратить на себя появленіе въ селахъ среди народа громаднаго количества *учителей народныхъ*. Тогда это будетъ цѣлая армія, и притомъ, по своему вліянію на духовную и внѣшнюю жизнь народа, въ высшей степени сильная. Не враговъ, не безразличныхъ даже дѣятелей,—для интересовъ, конечно, Церкви,—духовенство должно встрѣтить въ учителяхъ народныхъ, а друзей—и друзей искреннихъ, глубоко вѣрующихъ въ миссію православнаго духовенства, вмѣстѣ съ тѣмъ способныхъ подчиняться руководству послѣдняго и вести по одной дорогѣ дѣло народнаго просвѣщенія. Но будутъ ли таковыми учителями, хотя бы даже и вышедшіе изъ второклассныхъ школъ, если отношенія къ нимъ со стороны завѣдующихъ будутъ носить вышеуказанный характеръ? Исторія запада, который не мало въ этомъ отношеніи переиспыталъ, можетъ представить намъ много яркихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительныхъ доказательствъ того, какъ опасно для религіозной и всякой иной жизни народа, когда въ его средѣ образуются два противоположныхъ, враждебныхъ просвѣтительныхъ направленія. Велика по плодамъ, высока по цѣли, глубока по вліянію была у насъ, на Руси миссія православнаго духовенства, много прочнаго оно создало,—и почему? потому, что, стоя, такъ сказать, у души народной, духовенство имѣло возможность руководить ею, направлять по тому пути и къ тѣмъ цѣлямъ, по которому и къ которымъ само шло. Если же все, созданное православнымъ духовенствомъ въ дѣлѣ вѣры и государственнаго строенія, создано только потому, что духовенство было близко къ душѣ народной, то это можетъ сомнѣваться въ такомъ же вліяніи и со стороны новой силы, которая выработается изъ учителей, и которая тоже близко встанетъ къ душѣ народной?—Могутъ сказать, что эта сила—явленіе болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Но, во-первыхъ, и теперь учителей народныхъ уже много, во-вто-

рыхъ, въ смыслѣ совершенствованія ихъ и теперь дѣлается очень многое, и, въ-третьихъ, поздно будетъ говорить, а не только дѣлать что-либо для привлеченія нарождающейся силы для служенія дѣлу, которому служить духовенство, когда эта сила окончательно уже организуется и начнетъ свои дѣйствія. Крайне важно быть готовымъ ко всякому дѣлу своевременно, особенно когда приходится готовиться много, когда необходимо многое устранить и отчасти себя перевоспитать.

Мы сравнительно долго остановились на церковно-школьной дѣятельности православнаго духовенства (хотя далеко не все исчерпали) потому, что ни одна сторона современной пастырской дѣятельности не вызываетъ столько сомнѣній и нареканий, какъ именно церковно-школьная его дѣятельность. Нѣтъ сомнѣнія,—трудно это дѣло, требуетъ затраты громад-ныхъ силъ, выдвигаетъ, при своемъ развитіи, постоянно новые и новые вопросы. Но нѣтъ также сомнѣнія,—оно исполнимо, богато благими надеждами, всегда способно дать много различныхъ утѣшеній ведущимъ его, и главное—оно, составляя существенную часть пастырскаго служенія, необыкновенно важно. И мы надѣмся, что православное духовенство, не имѣя никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ истиннаго просвѣщенія народа, не остановится предъ неизбѣжными трудностями церковно-школьнаго дѣла и съ честью выйдетъ изъ благородной борьбы на нивѣ и за истинныя начала народнаго просвѣщенія. И сдѣлаетъ это оно не ради *славы сего вѣка*, а ради и во имя Вѣчной Истины, вѣчно неугасающаго Свѣта.

(Окончаніе будетъ).

ЗАМѢТКА.

Отрадное явленіе въ жизни одного сельскаго священника.

Рѣдко читаешь или слышишь, чтобы мужички наши искренно цѣнили труды своего батюшки, уважали своего пастыря и выражали бы это въ добрыхъ своихъ отношеніяхъ къ нему. Еще болѣе рѣдкое явленіе, чтобы мужички наши, въ знакъ особеннаго своего расположенія къ батюшкѣ, подносили ему дорогіе знаки своего вниманія, въ видѣ креста или иконы, не въ юбилейные только дни священника, а въ обыкновенное время. Мѣсто такому рѣдкому и весьма отрадному явленію недавно было въ селѣ Озерянахъ, радомысльскаго уѣзда. Въ виду исключительности его и утѣшительнаго характера, считаемъ не лишнимъ подѣлиться разсказомъ объ этомъ и съ другими. Приходъ Озеряне—маленькій, представляющій много неудобствъ для постояннаго жительства тамъ. Не смотря на это, мѣстный священникъ Г. А., при помощи Божіей, благодаря своей энергичной натурѣ и умѣнью жить съ людьми, прожилъ въ немъ около 30 лѣтъ. Въ такой немалый періодъ священникъ Г. А. сумѣлъ кротостью и разумной строгостью постоянно держать своихъ прихожанъ въ послушаніи Церкви Божіей. Спокойная распорядительность, умѣнье разрѣшать различнаго рода недоразумѣнія, привѣтливое, кроткое обращеніе съ прихожанами снискали ему должное расположеніе. Долго думали мужички какъ бы порадовать своего батюшку, чѣмъ бы выразить свою любовь къ нему. Кстати случай представился. Узнали они, что всѣмъ священникамъ пожалованы особые наперсные кресты, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Обрадовались мужички, что нашелся поводъ выразить свое вниманіе, и тогда же рѣшили купить на собственные средства этотъ крестъ и поднести священнику. Заказали крестъ довольно цѣнный, въ 50 рублей, въ Москвѣ. Когда былъ

полученъ ими этотъ крестъ, выбрали самое лучшее время для поднесенія священнику, предъ началомъ литургіи. Былъ большой праздникъ. Стеченіе народа было большое. Выборный отъ крестьянъ, почтенный старичекъ, сталъ впереди всѣхъ, держа крестъ на блюдѣ. Когда священникъ предъ началомъ литургіи кадилъ церковь и выходилъ изъ алтаря, выбранный съ глубокимъ поклономъ и со словами: „пріймѣть отъ насъ, батюшка, подарокъ“, преподнесъ крестъ. Священникъ былъ глубоко тронутъ такимъ дорогимъ вниманіемъ своихъ прихожанъ. Принявши съ благоговѣніемъ этотъ крестъ, священникъ только отвѣтилъ: „благодарю васъ, братцы, за вашъ дорогой подарокъ“. Началась божественная служба. Въ концѣ литургіи, во время чтенія псалма: „благословлю Господа на всякое время“, священникъ, вышедши изъ алтаря, счелъ нужнымъ и благовременнымъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ выразить чувства радости и благодарности.

„Православные христіане! дорогіе мои прихожане! Глубоко тронутъ я вашимъ любезнѣйшимъ вниманіемъ. Благодарю я, конечно, прежде всего Господа Бога, что Онъ призрѣлъ и на меня уничиженнаго, доставилъ мнѣ великую радость въ моей жизни,—воочію видѣть расположенность моихъ прихожанъ ко мнѣ, вѣранныхъ мнѣ Самимъ Богомъ для руководства ко спасенію. Значить, между нами есть взаимная любовь! О, если такъ, то все есть,—есть и спасеніе. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. А апостоль Павелъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ прямо говоритъ: „если я имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто“. Великій даръ Божій—любовь, а особенно, если эта любовь существуетъ между пастыремъ и пасомыми. Еще благодарю Господа Бога за оказанную мнѣ великую милость, ибо вѣрую, что не по дѣламъ моимъ Господь содѣлалъ сіе, а единственно по Своей милости. Благодарю также и васъ, мои дорогіе прихожане, за ваше доброе сердце, доброе желаніе жить со мной по-христіански. Много обрадовали вы меня, братья. Вы поддерживаєте во мнѣ бодрость духа, вы

даете мнѣ возможность нести свое отвѣтственное служеніе съ радостью, а не въздыхающе. Да приметь Господь Богъ ваше усердіе и да благословить Господь Богъ васъ и дѣтей вашихъ здравіемъ, долголѣтіемъ и вѣчнымъ спасеніемъ; да оградить васъ сей животворящій крестъ, которымъ вы высказали такое дорогое вниманіе ко мнѣ, отъ всѣхъ напастей вражіихъ! Аминь“. Поистинѣ отрадное явленіе въ жизни священника! Дай Богъ, чтобы побольше было такихъ свѣтлыхъ явленій въ жизни сельскаго священника! Дай Богъ, чтобы привѣтливость, простота, искренность и любовь всегда царствовали въ отношеніяхъ между пастыремъ и пасомыми.

(Кіевск. Еп. Вѣд. 1898 г. № 10).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 іюня 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.